

Руссо Жан Жак

**Общественный договор, или
Принципы государственного
права**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ж27

Ж27 **Жан Жак Р.**
Общественный договор, или Принципы государственного права / Руссо Жан
Жак – М.: Книга по Требованию, 2022. – 150 с.

ISBN 978-5-519-84057-6

Заглавие оригинала: Du contrat social ou principes du droit politique

ISBN 978-5-519-84057-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе къ русскому переводу.

„Общественный договор“—одна изъ тѣхъ книгъ, въ которыхъ больше вдохновенія и пророческой проницательности, чѣмъ методическаго мышленія и научнаго изслѣдованія. Руссо писалъ въ тотъ вѣкъ, который „много вѣрилъ и которому за то многое простится“. Странно слышать слово „вѣра“ въ приложеніи къ раціоналистической эпохѣ, сокрушившей всякую вѣру. А между тѣмъ это такъ. Восемнадцатое столѣтіе, отвергнувшее католическую религію, усвоило приемы теологическаго мышленія. Для энциклопедистовъ разумъ игралъ ту же роль, какую для средневѣковаго теолога—авторитетъ папы или вульгаты.

Въ настоящее время мы уже не строимъ государственныхъ теорій такъ, какъ это дѣлалъ Руссо. Мы изучаемъ преданія и документы, мы прибѣгаемъ къ помощи сравнительной соціологіи и лзыкознанія, мы пользуемся методами этнографіи и сравнительнымъ изученіемъ литературы, и только въ результатъ кропотливой работы надъ обильнымъ фактическимъ матеріаломъ мы рѣшаемся вывести болѣе или менѣе прочныя заключенія относительно первобытнаго строя жизни, относительно первыхъ зачатковъ гражданственности. Мало того, въ настоящее время мы уже знаемъ, что государство не вездѣ и не всегда складывалось по одному шаблону, или, вѣрнѣе, что нигдѣ и никогда, за рѣдкими исключеніями, государства не создавались одинаково, что, изслѣдуя процессъ происхожденія государства, необходимо имѣть въ виду то или иное опредѣленное государство, а не фантастическое „государство вообще“, которое существовало только въ воображеніи женеваго философа. Въ XVIII вѣкѣ еще не знали научныхъ методовъ историческаго изслѣдованія. Руссо,

сынъ рационалистической эпохи, нанесшей рѣшительный ударъ вѣрѣ, авторитету, схоластическимъ умствованіямъ, пользуется въ своемъ разсужденіи всѣмъ этимъ арсеналомъ методовъ стараго мышленія.

Средневѣковая церковь легко разрѣшала всякія противорѣчія. Въ загробной жизни должны были найти примиреніе и разрѣшеніе всѣ конфликты здѣшняго существованія. Христіанскій философъ, вѣруя въ непогрѣшимость церкви и идей, брошенныхъ ею въ міръ, легко вгонялъ видимыя явленія въ схемы, гармонизировавшія съ церковнымъ ученіемъ. Онъ отбрасывалъ факты, нарушавшіе стройность его схемы, объяснялъ неисповѣдими путями Божества тѣ явленія, которыя нельзя было объяснить и нельзя было отбросить. Наконецъ, для того чтобы еще болѣе облегчить себѣ свою трудную задачу примиренія непримиримаго и согласованія противорѣчиваго, онъ пріучилъ себя игнорировать факты и уважать авторитеты. Тамъ, гдѣ мы изслѣдуемъ явленія, онъ ссылался на толкованія ихъ, уже существовавшія и принятые на вѣру вслѣдствіе обаянія имени высказавшаго ихъ автора. Тамъ, гдѣ современный врачъ сталъ бы изслѣдовать тѣло больного, врачъ-схоластикъ обратился бы къ Гиппократу или даже скорѣе къ писателямъ своеобразной христіанской медицины съ ея колдовствомъ, порчами и вѣдьмами.

Иструдно доказать,¹ что Руссо далеко не свободенъ отъ этихъ старыхъ оковъ мистики, схоластики, догматизма и авторитета. Въ его системѣ „природа“ играетъ ту же роль, какую въ глазахъ христіанскаго философа играла церковь. Почему неравенство—величайшее зло? Потому что оно явно нарушаетъ законъ природы. Эти ссылки на природу пестрятъ въ трактатѣ женевскаго философа. Естественное состояніе, когда общество не вышло еще изъ того строя жизни, который далъ самой природой, является идеаломъ, изъ котораго надо исходить при оцѣнкѣ нормальнаго гражданскаго строя. Мы видимъ, что основной принципъ взятъ на вѣру, произвольно, и что, выбирая исходную точку, Руссо ничѣмъ не отличается по методу отъ любого схоластика. Разъ основная посылка принята на вѣру, разъ она не выведена индуктивнымъ путемъ изъ фактовъ, Руссо не могъ избѣжать послѣдствій этого перваго нарушенія принциповъ научнаго мышленія. Все, что

не подходит подъ построенія Руссо, отбрасывается какъ противорѣчащее природѣ, а все, служащее къ подтвержденію ихъ, объявляется закономъ природы. Разъ *природа не дала* ни одному человѣку права распоряжаться надъ другимъ человѣкомъ, слѣдовательно основаніемъ закономѣрной власти можетъ быть только договоръ. Такъ изъ основного символа вѣры Руссо вытекаетъ вся его фантастическая теорія. И когда эта теорія сталкивается съ дѣйствительностью, когда жизнь выставляетъ рядъ противорѣчій, Руссо приходится для примиренія и разрѣшенія ихъ прибѣгать къ излюбленнымъ изворотамъ схоластическаго мышленія. „Человѣкъ рожденъ свободнымъ, а между тѣмъ онъ всюду въ оковахъ“. Законъ природы — полная свобода, а между тѣмъ такая свобода несовмѣстима съ общественнымъ строемъ, гдѣ личность непременно должна такъ или иначе подчиняться. И вотъ Руссо, подобно средневѣковому теологу, доказываетъ недоказуемое. Въ самомъ дѣлѣ, какъ разрѣшить простое противорѣчіе: воля и желаніе частнаго лица не совпадаютъ съ непогрѣшимой, по ученію Руссо, волей цѣлаго? Выхода нѣтъ: либо нужно подчинить волю частнаго лица цѣлому, но тогда нѣтъ свободы; либо нужно признать, что суверенъ не имѣетъ права прибѣгать къ такому насилію, тогда свобода частнаго лица сохранена, но тогда падаетъ ученіе Руссо о непогрѣшимости общей воли, объ абсолютномъ значеніи суверена. Руссо однако находитъ выходъ. Онъ просто объявляетъ, что такого конфликта не должно быть; не можетъ быть разногласія между тѣломъ и его членами, и если подобное оказалось, то это значитъ, что мы имѣемъ дѣло просто съ недоразумѣніемъ. По его мнѣнію, когда въ собраніи предлагается законъ, это вовсе не значитъ, что гражданъ спрашиваютъ, одобряютъ ли они его или нѣтъ. Цѣль голосованія — выяснить общую волю, узнать, согласуется ли онъ съ ней или нѣтъ. Большинство голосовъ служить только показателемъ этой общей воли. А разъ таковая выяснена, то гражданинъ обязанъ подчиняться ей именно потому, что онъ свободенъ. „Если побѣждаетъ мнѣніе, противоположное моему, это доказываетъ только, что я ошибся и что то, что я считалъ всеобщей волей, не было таковой. Если бы взяло верхъ мое личное мнѣніе, то я *сдѣлалъ бы не то, что я хотѣлъ*

сдѣлать, и именно тогда я не былъ бы свободенъ“. Вотъ до чего договаривается Руссо: въ проектированномъ имъ общественномъ строѣ жить согласно своимъ желаніямъ значить не быть свободнымъ, а подчиняться чужой волѣ вопреки своей собственной значить быть истинно свободнымъ гражданиномъ. Если гражданинъ отказывается подчиняться общей волѣ, то цѣлое принуждаетъ его къ этому силой, и это обозначаетъ не что иное, какъ то, что оно „заставляетъ его насильно быть свободнымъ“. Такъ изощрялись средневѣковые теологи, увѣряя человѣка, что его земныя страданія вызываютъ его ропотъ только потому, что онъ не понимаетъ намѣреній Бога, который лучше знаетъ путь, ведущій его къ истинному блаженству. Чѣмъ отличается Руссо, проповѣдующій насиліе надъ личнымъ убѣжденіемъ во имя свободы, отъ средневѣковыхъ изувѣровъ, воздвигавшихъ костры и висѣлицы во имя спасенія казнимыхъ?

Руссо—мистикъ въ своемъ ученіи о суверенѣ, о законодателѣ, о всеобщей волѣ, о законѣ. Конкретныя формы у него отсутствуютъ. Онъ говоритъ объ отвлеченныхъ понятіяхъ, которыя никогда не могутъ претвориться въ живые организмы. Это — мистическія формулы, нанизываемыя по вдохновенію. Исторія не знаетъ примѣра того отвлеченнаго государства, строй котораго нарисованъ имъ, какъ не знаетъ ова отвлеченнаго первобытнаго человѣка, созданнаго фантазіей Руссо, какъ не знаетъ сочиненнаго имъ общественнаго договора. Но онъ не только мистикъ, но и схоластикъ по своимъ приѣмамъ. Ссылка на авторитеты—любимый методъ Руссо, заполняющаго этимъ путемъ всѣ бреши, образующіяся въ зданіи, воздвигаемомъ изъ силлогизмовъ его нетерпѣливой пламенной логики. Ливій и Платонъ, Гроцій и Макиавелли часто помогаютъ философу тамъ, гдѣ у него не хватаетъ аргументація, основанной на фактахъ.

Впрочемъ, у Руссо нерѣдко встрѣчаются попытки стать на почву научнаго изслѣдованія. Онъ дѣлаетъ оговорки и ограниченія, которыя часто грозятъ разрушить воздвигнутое имъ зданіе. Онъ много говоритъ о вліяніи климата, о хозяйственныхъ особенностяхъ жизни, о количествѣ народонаселенія, какъ о факторахъ, которые должны быть приняты въ расчетъ при выборѣ той или иной формы

правленія. Кажется, передъ нами на время является мыслитель съ осторожностью научнаго изслѣдователя, кажется, что теорія отвлеченнаго „государства вообще“ готова рухнуть. Но эти детали тонуть въ горячей вѣрѣ, которой проникнуть весь трактатъ Руссо, онѣ служатъ только подтвержденіемъ его символовъ вѣры, для вѣщаго торжества которыхъ приводятся самыя отступленія.

Но если Руссо не создалъ никакой цѣнной научной теоріи о происхожденіи государства, если его теорія общественнаго договора давно уже уничтожена наукой, какъ плодъ его вдохновенія, то онъ не былъ даже оригиналенъ въ своихъ мысляхъ для своего времени. Почти всѣ его идеи о первобытномъ состояніи, о происхожденіи общественнаго строя путемъ договора были высказаны до него. Раньше его Гроцій, Гоббсъ, Спиноза и въ особенности Локкъ предвосхитили его мысли. Edmond Dreyfus-Brisac, редакторъ лучшаго французскаго изданія „Общественнаго договора“, выполнилъ поучительную работу, снабдивъ текстъ знаменитой книги любопытными примѣчаніями, свидѣтельствующими о томъ, какъ мало мыслей у Руссо, которыя не были высказаны его предшественниками.

Наконецъ, разрѣшилъ ли трактатъ Руссо практическія задачи, поставленныя его эпохой? Указалъ ли онъ выходъ обществу въ видѣ пригодной практической системы, какъ это сдѣлалъ Вольтеръ теоріей просвѣщеннаго абсолютизма или Монтескье—теоріей конституціонной монархіи? Руссо не допускаетъ по отношенію къ общей волѣ никакихъ ограниченій. По его ученію, она не дѣлима и не отчуждаема. Онъ не признаетъ народныхъ представителей. Народъ не можетъ передавать своей верховной власти никакимъ депутатамъ. Гдѣ народъ перестаетъ самъ издавать законы и готовъ откупиться отъ этой обязанности содержаніемъ представителей, тамъ начинается разложеніе государства. Только самъ народъ можетъ всякій разъ обнаруживать общую волю, иначе говоря, для изданія закона, этого подлиннаго акта общей воли, необходимо всякій разъ собраніе всего народа. Но какъ осуществить на практикѣ подобное предложеніе? Руссо съ упрямствомъ мечтателя увѣряетъ, что это возможно. По послѣдней переписи, говоритъ онъ, въ Римѣ было четыреста тысячъ гражданъ, носящихъ оружіе, а въ имперіи—болѣе четырехъ милліо-

новъ. „Сколько представляешь себѣ затрудненій для частыхъ собраній огромнаго народа этой столицы и ея окрестностей! Между тѣмъ не проходило нѣсколькихъ недѣль, чтобы римскій народъ не собирался и даже по нѣскольку разъ. Онъ не только пользовался правами верховной, но отчасти и правами правительственной власти“. Далѣе, указавъ, что у большинства древнихъ правительствъ „существовали подобные совѣты“, Руссо замѣчаетъ: „мнѣ кажется, что пзъ существованія факта несомнѣнно вытекаетъ заключеніе о его возможности“. Вотъ и всѣ практическія указанія по вопросу объ осуществленіи утопическихъ идеаловъ Руссо. Едва ли эти неопредѣленные указанія могли принести пользу государственнымъ людямъ, которые бы пожелали осуществить идею народнаго суверенитета въ современныхъ колоссальныхъ государственныхъ организаціяхъ съ десятками милліоновъ гражданъ, съ сложной и развѣтвляющейся администраціей, съ перепутанными интересами общественныхъ группъ, рожденныхъ новыми производственными отношеніями. И повсюду, гдѣ Руссо сталкивается съ необходимостью дать тѣ или иные практическія указанія, ему приходится либо ссылаться на историческіе примѣры, принятые на вѣру, безъ критики, либо взывать къ „человѣческому благородству, либо требовать коренной ломки человѣческой натуры, что въ его глазахъ казалось возвратомъ къ естественному состоянію, отрѣшеніемъ отъ искаженій, созданныхъ цивилизаціей.

Итакъ—мысли Руссо не новы, его методы и приемы не научны, его система неосуществима. Въ чемъ же великое значеніе этой странной книги, которой трепетали монархи, которую жадно читали народы, которую только теперь, черезъ полтора вѣка послѣ ея появленія, можетъ прочесть русскій читатель?

Бываютъ въ исторіи моменты, въ которые особенно ярко отливаются чаянія цѣлыхъ столѣтій. Такимъ моментомъ была эпоха наканунѣ французской революціи. Ликвидациі клерикально-феодальнаго строя, не законченная вполне еще и по сіе время и уходящая своимъ началомъ въ глубь среднихъ вѣковъ,—этотъ великій процессъ достигъ кульминаціоннаго своего момента во второй половинѣ XVIII вѣка. Человѣческая мысль напряженно работала. Приходилось въ короткій срокъ покончить со старыми вѣрованіями,

привычками, традиціями, со всіми устоями, на которыхъ въ теченіе вѣковъ держалось общество. Приходилось спѣшно сооружать новое зданіе, дать человѣчеству новыя вѣрованія на мѣсто старыхъ свергнутыхъ боговъ. Одни занялись медленной, кропотливой работой, думали о прочности новыхъ устоевъ, искали компромиссовъ съ прошлымъ, готовы были впредь до выработки новаго общественнаго строя пользоваться испытанными средствами стараго. Не таковъ былъ нетерпѣливый умъ Руссо. Картина новой жизни встала передъ нимъ во весь свой ростъ сразу, озаренная свѣтомъ благородныхъ идеаловъ уже носившейся въ воздухѣ революціи. Изъ всѣхъ мыслителей XVIII вѣка онъ одинъ уловилъ политическое настроеніе новаго времени, воплотилъ въ сжатую яркую форму все разнообразіе чувствъ и идей, рожденныхъ великимъ демократическимъ движеніемъ. Въ то время какъ другіе держались дѣйствительности, онъ рисовалъ идеалы. Въ то время какъ другіе подходили къ новымъ требованіямъ времени съ мѣркой современнаго человѣка, онъ углубился внутрь самого себя, попытался отыскать въ себѣ нетронутаго человѣка, отрѣшиться отъ всѣхъ предубѣждений, накопленныхъ вѣками культурной работы, и взглянулъ этимъ непредубѣжденнымъ взглядомъ на совершающійся процессъ. Въ минуты, когда противорѣчія общественнаго строя выступили съ особенной силой, Руссо сумѣлъ отнестись частное къ общему, показать на конфликтѣ дня широкія задачи, стоявшія за этимъ конфликтомъ. Онъ вскрылъ общія основы совершавшагося процесса настолько глубоко, какъ это только возможно было сдѣлать, не утративъ совершенно реальной почвы. Неопредѣленность, явившаяся результатомъ этого пламеннаго рвенія и лишившая книгу Руссо практическаго значенія, сдѣлала ее зато евангеліемъ послѣдующихъ поколѣній. „Человѣкъ рождается свободнымъ, а между тѣмъ онъ всюду въ оковахъ“. Пусть эти слова, звучація какъ призывной колоколъ, не заключаютъ въ себѣ ничего новаго, пусть Руссо не отвѣтилъ, какъ разрѣшить это противорѣчіе, пусть онъ даже не доказалъ справедливости своего утвержденія о природной свободѣ человѣка, пусть это было только его горячей вѣрой, какой для правовѣрнаго католика была идея папской непогрѣшимости, но этотъ афоризмъ остается

самой краткой и сильной формулой, выразившей стремленія не только своего вѣка, но и будущаго столѣтія, поставившаго себѣ задачу освобожденія человѣчества отъ всѣхъ формъ эксплуатаціи. Какое бы содержаніе ни вкладывало каждое новое поколѣніе въ освободительное движеніе, но афоризмы Руссо остаются вдохновеннымъ напоминаніемъ объ общей великой цѣли демократическаго движенія, о томъ болѣе широкомъ и важномъ, что скрыто за измѣнчивыми перипетіями борьбы.

Если взглянуть на книгу Руссо съ этой точки зрѣнія, то мы поймемъ то могучее дѣйствіе, которое она производила и продолжаетъ производить на умы, и всѣ упомянутые недостатки превратятся въ достоинства. Въ настоящее время нѣтъ смысла сопоставлять отдѣльныя мысли Руссо съ соотвѣтствующими изреченіями Гроція и Локка. По остроумному замѣчанію Брисака, всѣ писатели—безсознательные плагиаторы, потому что всѣ они творятъ по воспоминаніямъ. Но не менѣе вѣрно, что есть оригинальныя и неоригинальныя книги. „Духъ законовъ“ и „Общественный договоръ“—книги оригинальныя. Авторы не изобрѣтаютъ буквъ алфавита, не изобрѣтаютъ словъ, образующихся изъ этихъ буквъ, не изобрѣтаютъ ни идей, ни сюжетовъ; но существуетъ способъ выбора, комбинированія и даже выраженія идей, который есть творчество. Сравнительное значеніе каждой изъ нихъ опредѣляется тѣмъ порядкомъ, въ которомъ онѣ представлены, заключеніями, выведенными изъ сопоставленія ихъ. Это не только искусство, но и открытіе. Это знакомыя идеи, но новая книга. Руссо зналъ своихъ предшественниковъ. Новый строй жизни, шедшій на смѣну феодализму, уже задолго до Руссо требовалъ своего философскаго обоснованія, своей религіи, своей морали, своего выраженія на человѣческомъ языкѣ. Человѣческая мысль подходила къ этой задачѣ со всѣхъ сторонъ. Отдѣльныя части работы были выполнены, нѣкоторыя оставались недоконченными. Первыми Руссо воспользовался, вторыя частью предугадалъ, частью замѣнилъ искусными поддѣлками, и цѣлое впервые предстало въ ослѣпительно-яркомъ свѣтѣ. Нужно было ниспровергнуть все старое, чтобы начать съ самаго начала. Что до того, что впослѣдствіи стали возрождать многое изъ разрушеннаго, что разочаровались во многомъ,

воздвигнутомъ на спѣхъ. Коренной пересмотръ всего строя съ точки зрѣнія оскорбленнаго и угнетеннаго человѣчества былъ произведенъ. Новое общество, еще не сформировавшееся, еще жаждавшее своего обновленія, увидѣло въ трактатѣ Руссо отраженіе своихъ завѣтныхъ стремленій.

Возьмите любую изъ идей Руссо, и васъ поразитъ практическая несостоятельность автора съ одной стороны и увлекающая сила его критики—съ другой. Онъ не указываетъ ясныхъ новыхъ формъ общественной жизни, но онъ заронитъ въ своемъ читателѣ неугасимую искру святого недовольства, заразитъ его своей горячей вѣрой въ торжество свободы, поселитъ въ немъ активное мужество, стремленіе къ исканію новыхъ путей и ненависть къ старому авторитарному строю. Это обычная манера Руссо. Онъ изображаетъ съ неподражаемой силой заманчивый, но недостижимый идеаль, а затѣмъ неумѣло, путаясь въ собственныхъ противорѣчіяхъ, указываетъ, какъ осуществлять этотъ идеаль, какъ урѣзать его согласно требованіямъ практики. Эта своеобразная манера зажигаетъ неутолимую жажду въ читателѣ. Она поселяетъ въ немъ вѣру въ возможность достиженія недостижимаго. Манфреды и Вертеры, Рене и Каины съ ихъ грандіозными притязаніями, съ ихъ требованіями безграничной свободы для личности—родныя дѣти Руссо. Въ „Новой Элоизѣ“ Руссо сначала пропѣлъ восторженный гимнъ свободной страсти, создалъ культъ чувства, а затѣмъ въ концѣ романа, точно испугавшись революціоннаго дѣйствія первыхъ пламенныхъ страницъ, сталъ превозносить въ лицѣ Юліи „вѣрную супругу и добродѣтельную мать“. Нужно ли говорить, что публика повѣрила больше первой части, чѣмъ второй, что робкія заключительныя страницы не могли уничтожить неотразимаго дѣйствія первыхъ, что, разбивъ всѣ преграды, всѣ предрасудки, стоящія на пути свободной любви, Руссо напрасно пытался потомъ возстановить ихъ?

То же случилось и съ „Общественнымъ договоромъ“. Трудно указать болѣе мирнаго гражданина, чѣмъ его авторъ. Этотъ проповѣдникъ неограниченной свободы въ своихъ практическихъ указаніяхъ налагаетъ на гражданъ такіа цѣпи, которыя ничѣмъ не отличались отъ старыхъ цѣпей. Онъ доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ въ проповѣди рабства, которое путемъ особыхъ парадоксальныхъ

построеній оказывается высшей свободой. Чего-чего только не найдемъ мы въ этомъ странномъ трактатѣ. Его авторъ—апологетъ смертной казни. Онъ защищаетъ рабство. Онъ считаетъ нормальнымъ экономическое неравенство, увѣряя, что подъ равенствомъ слѣдуетъ разумѣть вовсе не то, что всѣ граждане должны быть одинаково богаты и могущественны, а то, что ни одинъ не долженъ обладать такимъ богатствомъ, чтобы купить другого, и ни одинъ не долженъ быть настолько бѣденъ, чтобы продать себя. Онъ требуетъ, чтобы человѣкъ подчинялся волѣ большинства, хотя бы рѣшеніе послѣдняго шло въ разрѣзъ съ его собственной волей. До какой степени апологетомъ насилія и деспотизма является Руссо, всего лучше показываютъ его разсужденія о диктатурѣ и религіи. Если, говоритъ онъ, возникаетъ для государства такая страшная опасность, что сила законовъ служить препятствіемъ для спасенія отечества, тогда учреждается диктатура, т.-е. избираютъ высшаго начальника, заставляющаго смолкнуть всѣ законы и на время приостанавливающаго верховную власть. Всѣ оговорки, приводимыя Руссо, вся его казуистика, имѣющая цѣлью доказать, что диктатура, приостанавливающая дѣйствіе законовъ, не отмѣняетъ ихъ,—все это не въ состояніи уничтожить факта признанія цѣлесообразности диктатуры апологетомъ законности и свободы. Такъ же неудачно соединяетъ Руссо идеаль религіозной свободы съ вмѣшательствомъ государства въ религіозныя убѣжденія гражданина. Для государства очень важно, чтобы у каждаго гражданина была религія, заставляющая его любить свой долгъ, но догмы этой религіи интересуютъ государство и его членовъ, лишь поскольку эти догмы имѣютъ отношеніе къ морали и къ обязанностямъ, которыя исповѣдующій ихъ долженъ исполнять по отношенію къ другимъ. „Итакъ, существуетъ вѣроисповѣданіе чисто гражданское, догматы котораго долженъ устанавливать верховный властелинъ, не совсѣмъ такъ, какъ религіозныя догматы, но какъ чувства общественности, безъ которыхъ невозможно быть хорошимъ гражданиномъ или вѣрнымъ подданнымъ. Не имѣя власти заставить кого-нибудь вѣрить имъ, онъ можетъ изгнать изъ государства всякаго, кто имъ не вѣритъ. Онъ можетъ изгнать его не въ качествѣ нечестивца, но въ качествѣ антиобщественнаго человѣка. Если кто-либо, признавъ публично эти